

КОНЦЛАГЕРЬ ПЕЧОРА

В селе Рогизна был лагерь, затем в августе 1943 года его перевели в Печору, где уничтожили 539 человек, из них 166 детей. В Печоре находились 11000 евреев. Уничтожено 9450 человек. Около 1200 евреев остались в живых и были освобождены частями Красной Армии в марте.

Беккер (Мугерман) Соня

Родилась я в местечке Шпиков Тульчинского района Винницкой области. Наша семья состояла из шести человек: отец, мать, брат, старшая сестра и я, самая младшая. Жили мы, дети, беззаботной, безоблачной жизнью.

Началась война. Эвакуироваться мы не успели, хоть всё было готово к отъезду. Война сама дошла к нам. Мы сразу это почувствовали. Начался сильный шум мотоциклов, выкрики на немецком языке. Это вошли немцы, захватывая тротуары, улицы, наполнив их треском и дымом. Много их было. Началась перестрелка. Немцы сразу начали искать коммунистов, комсомольцев и, конечно, евреев. Кто не успел спрятаться, забирали тут же. Многим, в том числе моему брату и старшей сестре, удалось спастись, благодаря моему дяде (брату отца). Он их спрятал в одной из комнат его большого дома, закрыв дверь шкафом. Спасло их ещё и то, что у дяди не было взрослых детей, и никто не мог указать на этот дом. Отец мой спрятался на чердаке нашего дома.

Очень многих забрали, что с ними стало, не знаю. Вдруг стало тихо. Родители рассказывали, что вошли мадьяры. Они были недолго. Они никого не трогали.

Затем вошли румыны. Они уже обосновались надолго. Они не убивали, но и не жаловали. Через какое-то время они собрали всех евреев на площади и этапом погнали. Кто не мог идти, били дубинками, снимали с людей всё, что приглянулось из обуви, одежды. С моего брата, помню, сняли тёплый тулуп. Сколько шли не знаю, но привели в с.Рогижны.

Там было всего два здания: бывший клуб и аптека, ну, и погреб. Тут разбили наш лагерь. Он и стал нашим пристанищем. Тот лагерь был на какой-то возвышенности. Нам, моей семье, особенно «повезло». Мы поселились в погребе без

дверей. Как пришлось существовать в этих условиях, никакая бумага, не выдержит, а вот мы — выдержали. Как? — это уже другой вопрос. Вокруг лагеря стояли полицейские с винтовками, дубинками.

Люди умирали от голода. Перед моими глазами до сих пор стоят лица этих людей. Страшно было смотреть на этот вид, на подобие человека. Когда эти несчастные выгребали дохлую конину из земли и хотели сварить, (на улице) полицейские разбивали ногами это «вариво», издевались, как могли.

Сколько людей там осталось навечно?!

Отец мой, рискуя жизнью ради своих детей, несколько раз выбирался в село, приносил продукты, чтобы нас немного поддержать, но его обнаружили, сильно избили. Больше он этого не мог делать. А, как я писала выше, я была самой младшей и самой ловкой. А выбраться можно было только, скатившись вниз, чтобы полицейские не заметили, а там протекала речка, и по мостику можно было попасть в село.

Я думала, если попадусь, они ребенка не тронут, но это я так думала. Мне не раз удавалось попасть в село. Крестьяне мне все давали и хлеб, и картошку, и яички, пока я не попала в лапы к полицейским. Мой дядя (мамин брат) меня защитил, но больше таких выходов не было. Не помню, как, но нам удалось бежать. Ночью шли, днём прятались. Мы добрались в еврейское местечко Красное Тывровского района. Евреи местные жили в своих домах, никто их не тревожил. Наша семья разделилась на три группы: отец с братом, (они пошли за похоронной процессией, чтобы их не поймали), мама со старшей сестрой и я со средней. В дом нас никто не пускал. Спали мы (без отца и брата) на чердаке школы, которая начала строиться до войны, там были только крыша и стены, но и здесь мы не задержались, т.к. нас обнаружил сторож.

Он сказал отпустить ему старшую дочь.

Мама стукнула его большой плёткой. Он ушел, но больше мы там не могли ночевать. Где мы только ни спали: в густых камышах, в поле, в стогах сена, еще и голод. Мы со средней сестрой работали у евреев. Я убиралась, а сестра носила воду. За это нам давали кусок хлеба. Мы и у резника (шойхета) работали. Они нас накормили овсянкой, но не овес там был, а солома, еда для лошадей больше подходила. А они в субботу ели то, что едят обычно евреи: бульон и всякие деликатесы. А как-то мы с сестрой попали в облаву. Искали тех, кто бежал из лагеря. Проверяли документы, а у нас их не было. Все местные держались семьями, да им и ничего не угрожало, а мы с сестрой беззащитные, кому мы нужны были. Не знаю, чем бы это закончилось, если бы не увидели подвал, и мы с сестрой ползком спрятались там. На этот раз нас миновал возврат в лагерь. Голодали страшно.

Евреи торговали на базаре всем. Я просила у них хоть кусочек хлеба, меня гнали, как прокаженную. Что пришлось пережить, всего не опишешь. А брата с отцом поймали и отправили назад в лагерь. (Об их судьбе мы ничего не знали).

Когда их привезли, каждый из них получил по 25 шомполов (по словам отца). Когда брат пошел взять удары отца на себя, его так избивали, так пинали ногами, что забили насмерть. Отцу даже не разрешили его похоронить.

ВИННИЦКАЯ ОБЛАСТЬ ■ КОНЦЛАГЕРЬ ПЕЧОРА

Зарыли, наверное, как собаку. Мы так и не узнали, где, в каком месте он нашел свой последний приют. Он много не успел в своей короткой жизни. Биографии нет в его неполных 19 лет. Обычная довоенная жизнь: учительский институт (физика), друзья, купался в речке, ездил на велосипеде, на лошадке, играл в футбол, любил свою семью, гордился ею. Никто не предполагал, что будет такой трагический финал.

И когда мама узнала, что её любимца нет в живых, она просто помешалась, поврвала на себе всё, и, не думая о нас троих, несовершеннолетних, безродных, голодных, вернулась в лагерь, где тоже получила свою порцию шомполов и была брошена на чердаке с жестяной крышей. А нам никто не помог, не посочувствовал. Что нам оставалось делать?

И мы решили сами вернуться в лагерь. Мы ничем не рисковали. Остаться в Красном? Умирать от голода и холода. Убьют по дороге? Так убьют, у нас не было выхода. И мы вернулись. Сколько времени мы шли, как пришли обратно, не знаю. Когда мы вернулись, нас уже не били, некого было бить: дистрофиков.

А наша мама нас не признала. Она сидела на земле и причитала: «Мойше Гершалы, Мойше Гершалы». По возвращению в лагерь, мы все втроем заболели тифом. Как мы выжили, не знаю.

Мама постепенно стала приходить в себя. Через какое-то время нас отправили в другой концлагерь Печора. Лагерь смерти. Нас поселили в трехэтажном здании. До войны это был военный санаторий. Высокий бетонный забор. Полицай у двух ворот.

Крестьяне приходили к воротам, бросали хлеб, фрукты, и счастлив был тот, кому хоть что-нибудь досталось, т.к. полицай их разгоняли. Отсюда выбраться не было никакой возможности. Мы голодали страшно. Мы с сестрой ходили по территории лагеря и собирали косточки от слив. Разбивали их. Это было наша вся еда, пока не начались у нас голодные обмороки. Однажды я увидела плачущих мужчин, женщин. Они обнимались, прощались. Оказывалось, что на территории лагеря были уже вырыты ямы, чтобы всех обитателей этого лагеря бросить туда живьём, как в Бабьем Яру.

Подъехали машины, и они уехали. А я стояла, ничего не понимала. И через какое-то время слышен шум, смех, они вернулись. Как рассказывали, Антонеску не отдавал своих людей. Это нас и спасло, нам суждено было выжить, не умереть такой страшной смертью. Здесь находилась вся моя родня, кроме одной моей тети и троих её детей. Они жили в Немирове. Тётя стала первой жертвой, её годовалую девочку бросили в Бут, а мои два брата (8-10 лет) хотели перейти к нам, но их догнали пули на мосте.

Румыны не убивали, но создавали такие условия, что не каждый мог выжить. Во 2-ом концлагере рассчитывать на что-то не было никакой возможности, никаких надежд. У людей из первого лагеря (Могилев, Тульчин) были ещё силы, средства, благодаря которым они могли выйти отсюда, уплатив полицаям, стоявшим у ворот. Что было делать нам без сил, без средств? И мой отец, чтобы спасти свою семью, вызвался этих людей переводить в Могилев, Тульчин, Брацлав,

ВИННИЦКАЯ ОБЛАСТЬ ■ КОНЦЛАГЕРЬ ПЕЧОРА

естественно, за плату. Это был нелегкий труд, тяжелый, рискованный. И благодаря нескольким таким переходам нам, незадолго до освобождения, тоже удалось уйти из концлагеря, но нас уже было пятеро, без брата.

Опять эти мучения, ночные переходы, побитые ноги все в крови, ночью шли, днем прятались.

Как сердцу высказать себя?

Другому — как понять тебя?

Поймет ли кто, как ты жила?

Ф. Тютчев.

Теперь же мы забрели в другое еврейское местечко — Мурафу Шаргородского района.

В Мурафе та же нищета, голод, холод.

И здесь никто не пускал в дом. Приютил нас некий Адилоко (украинец). Его жена работала у евреев, так что здесь в наших услугах не нуждались. Еврейская община давала какую-то похлебку, но не каждый день. Мы с сестрой ходили в поле, находили свеклу, кое-где картошку, ели мы их сырыми, т.к. негде было варить.

И здесь нам никто не подал руку помощи, наоборот, унижали.

Родители пошли в близлежащие села на заработок. Мама шила, вязала, отец работал по дереву. На выходные дни мама приходила, приносила кое-какие продукты, но надолго их не хватало. Муку приносила, но спечь негде было. Мама в сковородке напечет нам хлебцов, оставит на неделю, но мы не сдерживались.

Щипали, щипали по кусочку, так что до конца недели нечего было есть.

Помогли нам украинские крестьяне. Отец устроился в соседнем селе Деречин. Это был рабочий поселок, красивый, зеленый. Однажды меня взял с собой. Он был отличный специалист-краснодеревщик.

Сколько лет прошло, а голос хозяйки, её вопрос, звенит в моих ушах!: «Доня, що будеш исти: макарон з молоком, чи макарон з салом, а може яйце?» Что я могла ответить этой чудесной женщине (а она была не одна), если я на протяжении 4-х лет голодала. Итак, благодаря этим людям, мы выжили. Мы здесь и остались. Возвращаться в Шпиков, где всё напоминает о брате, мы не хотели, да и дом наш был разрушен. Мы сначала жили на съемных квартирах. Помню первую съемную комнату. Часть комнаты занимает печь и кровать, сбитая из досок. И это было для нас раем. Это были, какая бы она ни была, но крыша над головой, где никто тебя не гонит.

Отец работал у некого Черненька, который дал нам, можно сказать, дом из 6-ти комнат. Отец его отработывал, хозяин не торопил его, работал на семью и на него.

А мы росли, учились. Постепенно стали на ноги. Все вышли замуж. У каждого своя семья, свой дом. Старшая сестра работала воспитательницей в детском саду. Средняя — бухгалтером

А я пошла по стопам брата — стала педагогом.

В настоящее время осталось нас двое. Сестра, очень больная, и я.